

ковной, государственной или сословной. Сознание ценности человеческой индивидуальности, развитие интереса к внутренней жизни человека — таковы те первые проблески освобожденного сознания, которые явились знаменем нового времени. Интерес к человеческой индивидуальности особенно характерен для второй половины XVII века». ¹⁶ Этот процесс в общественном сознании, вызванный в конечном счете переменами в экономической жизни Руси, отразился и в литературе, помог писателям преодолеть схематизм и односторонность типизации характеров. В этом смысле Житие Аввакума не явилось исключением, но эта черта обозначилась в нем, может быть, резче, чем в других современных ему памятниках, в силу особого свойства обобщаемого материала — это был автобиографический материал. И здесь навстречу общей тенденции в развитии литературы шел личный талант художника, в совершенстве овладевшего своим материалом. Однако индивидуализация характера не только не лишила его типического содержания, но лишь ярче осветила как раз наиболее типичные его черты. Типичность образа Аввакума состоит как раз в той противоречивости всего поведения, всех его побуждений, чувств и настроений, которые были так характерны для той социальной среды, которую представлял Аввакум, — среды, мятущейся в поисках правды и ежечасно заблуждающейся, стремящейся примирить верность религии и свое недовольство церковью, предписания христианского учения и зовы живой жизни, обряд и быт.

Все эти противоречия образа, стоящего в центре повествования, как и связанные с ними противоречия идейного содержания, неизбежно отразились на всех особенностях стиля Жития. Стремление автора дать широкую панораму жизни, рассказать о своей борьбе от начала до конца, передать читателю свои страстные искания, мечтания, раздумья, свести счеты с врагами — все это обусловило особенности композиции — внешне нестройной, свободной, как будто разорванной, с перемежающимися картинками и лирическими отступлениями, допускающей постоянное переоплощение рассказчика в героя, героя в рассказчика. И именно эта подвижная композиция давала возможность вместить и организовать столь разнородный материал в одно целое. Те же самые противоречия лежат в конечном счете в основе смещения и слияния двух языковых и стилистических традиций — книжной и просторечной, образования особого метафорического строя, в котором объединялась евангельская и народно-бытовая образность, условная аллегоричность понятий и их реальная жизненность (плавание, буря, волокита, зима и т. п.). Те же самые противоречия определили и драматический тон всего повествования, превосходно раскрывающий внешние и внутренние конфликты, сопровождавшие всю жизнь героя. Наконец, совпадение в одном лице рассказчика и героя произведения, на наш взгляд, позволило внести художественную гармонию в произведение, придать единство всем разнообразным и разнородным его элементам, окрасить все повествование в лирико-драматический тон, короче говоря — реализовать жанровую специфику произведения, заложенную в самом материале. Это тождество рассказчика и героя, а также особенности стиля и языка Жития роднят его с народными сказами, что в свое время отметил В. В. Виноградов, ¹⁷ а также Р. Ягодич, который назвал Житие «народным рассказом». ¹⁸

¹⁶ АИРЛ, т. II, ч. 2, стр. 321.

¹⁷ В. В. Виноградов. О задачах стилистики. — Русская речь, в. 1. Пгр., 1923 стр. 215.

¹⁸ R. Jagoditsch. Das Leben des Protropen Avvakum. . . Berlin, 1930, стр. 69.